

час чрезмерно сочными, что приводило к некоторой грубоватости. Иногда восприятию Концерта мешала излишне экспрессивная манера исполнения виолончелиста и его мимика. Оркестр звучал ровно — не выделяясь и не перекрывая солиста, всецело передавая ему инициативу. Восторженные аплодисменты зала были вполне заслуженны.

Сыгранная на бис Д. Коузовым миниатюра (кажется, это была Сарабанда из Виолончельной сюиты Баха C-dur BWV 1009) прозвучала практически идеально, где каждая нота была на своем месте, каждый тон, прослушанный и выверенный, становился изящным штрихом; в результате сложился красивейший узор. Контрастируя «многословному» Шуману, афористичная Сарабанда прозвучала особенно ярко.

Второе отделение было целиком отдано Фантастической симфонии Гектора Берлиоза, произведению, в музыкальной среде более известному, чем любимому, что, может быть, не очень заслуженно: «неистовствующий вакхант» (эпитет, присвоенный композитору Р. Шуманом) был творцом оркестровых красок, подлинно ищущим композитором. В исполнении «Фантастической симфонии» Красноярским оркестром образы Берлиоза словно оживали. Ланде дирижировал точно, артистично, без излишней аффектации. Он вел

за собой оркестр, который, за исключением отдельных недочетов, добивался хорошего, слаженного звучания.

...В начале данной заметки оркестр был назван «провинциальным», что могло бы восприниматься уничижительно. Но мы вкладываем в это понятие совсем иной смысл: в действительности, приезжая в русскую провинцию, в глубинку, нередко поражаешься отношению к искусству живущих там артистов, музыкантов, педагогов.

Конечно, часто очень чуткое и пылкое восприятие музыки может соседствовать с очевидно устаревшими взглядами или с недостаточной теоретической подготовленностью, а если говорить об исполнительстве — то, например, с недостатком исполнительской техники. Но все эти недостатки с лихвой окупаются живым отношением к искусству со стороны провинциального артиста и слушателя. Здесь, конечно, не место говорить о роли провинции в отечественной истории или в истории отечественного искусства. Но очевидно, что для красноярских музыкантов петербургские гастроли были не рядовым событием, а неким экзистенциальным опытом, который они переживали вместе со своими слушателями в этом тотально условном и столь же храмовом ритуальном филармоническом пространстве. И если это вдруг так, значит священнодействие совершилось.

Svetlana KURNOSOVA The Lighthouses of the high classical art

Светлана КУРНОСОВА Маяки высокой классики

Программа концерта, состоявшегося 16 октября 2015 года в Малом зале Санкт-Петербургской академической филармонии, еще раз напомнила о 330-летней годовщине со дня рождения двух великих композиторов — И.-С. Баха и Г.-Ф. Генделя. Были заявлены, в частности, Бранденбургский концерт № 3, Концерты № 1 и 2 для скрипки, струнных и чембало, Концерт для двух скрипок, струнных и чембало Баха, а также *Concerti grossi* № 4 и 5 Генделя. Можно с полной уверенностью

A review of the concert given by the ensemble *Soloists of St. Petersburg* on October 16, 2015, at the Smaller Hall of the St. Petersburg Academic Philharmonic.

Key words: St. Petersburg Academic Philharmonic, *Soloists of St. Petersburg*, Mikhail Gantvarg.

Рецензия на концерт ансамбля «Солисты Санкт-Петербурга», состоявшийся в Малом зале Санкт-Петербургской академической филармонии имени Д. Д. Шостаковича 16 октября 2015 года.

Ключевые слова: Санкт-Петербургская академическая филармония, «Солисты Санкт-Петербурга», М. Гантварг.

утверждать, что состоявшийся концерт не только оправдал, но и превзошел все самые смелые ожидания.

«Солисты Санкт-Петербурга» — коллектив авторитетный, заслуженный, на счету которого немало творческих побед и признательность публики. Взрастить, воспитать такой коллектив — уже само по себе победа, в чем заслуга ее художественного руководителя, Народного артиста России, профессора Санкт-Петербургской консерватории Михаила Гантварга.

С первых звуков между сценой и зрительским залом установился тесный контакт. Артисты буквально завораживали своим исполнением. При этом не было ни намека на демонстрацию ансамблистами собственного артистического «эго», что, безусловно, свидетельствует о высоком профессиональном уровне. Исполнение было безукоризненным как в плане техники, точности динамики и штрихов, так и в понимании стиля. Чутким маячком, направляющим течение музыки, своеобразным «биением сердца» ансамбля по праву можно назвать звучание партии клавесина, которую блестяще исполнил Григорий Корчмар. Особенными по творческому накалу были паузы, во время которых слышалась восторженная тишина зала: вдруг все замирало, но едва заметный жест дирижера-солиста, один его взгляд — и мир вновь оживал и продолжал звучать. Руководитель ансамбля создавал музыкальный шедевр, и, фраза за фразой, пласт за пластом, на глазах у зрителей выстраивалось сотканное из звуков, величественное здание эпохи Барокко.

Михаил Гантварг — исполнитель-философ, музыкант-мыслитель. Каждая нота, каждая музыкальная фраза становилась мыслью, идеей, увлекающей в пространство. Артистизм, волевой жест, безукоризненное виртуозное мастерство составляют исполнительские качества Гантварга. Кроме того, покоряет необыкновенная артистическая харизма, возникает тот случай, когда музыкант перестает быть просто исполнителем, когда на сцене — подлинный художник.

Ярким контрастом бравурным быстрым стали медленные части. Особенно поразили фрагменты, где у солиста звучали длинные ноты на фоне мерной поступи ансамбля. Сохраняя строгость стиля, ни единым излишним вибрато не нарушая его, маэстро придавал тембру особенную теплоту, присущую сочинениям романтического стиля. Тогда неожиданно всплывали в памяти

скрипичные концерты Мендельсона, Сибелиуса и многие другие. Такое соединение, на наш взгляд, — блестящая находка музыканта!

Временами единение солиста и ансамбля прерывалось, когда маэстро, возможно, невольно увлекаясь, уносился вдохновением в какое-то собственное измерение, и тогда звуки его скрипки парили в заоблачных высях. Не будет уместным, однако, говорить в этом случае о нарушении ансамблевого баланса. Такие взлеты, скорее всего, обусловлены особенностями творческой личности Гантварга как солиста. В такие моменты оркестранты словно ожидали возвращения маэстро, и с новой энергией музыка устремлялась вперед.

Завершилось выступление Концертом ре минор для двух скрипок, струнных и чембало. В качестве второй солистки выступила Любовь Стекольников. С партнером такого уровня, как Гантварг, разумеется, выступать крайне сложно, но солистка держалась достойно, и дуэт состоялся. Под громкое «браво!», гремевшее из разных концов зала, к сцене потянулись благодарные слушатели с букетами.

На бис «Солисты Санкт-Петербурга» подарили волшебную Арию из Оркестровой сюиты № 3 ре мажор И.-С. Баха. Удивительно трогательное, нежное исполнение Арии элегантно завершало концерт.

Отрадно, что наряду с печальной тенденцией ко всеобщему упрощению вкусов, понижению уровня общественной взыскательности существуют такие коллективы, такие музыканты и такие солисты, благодаря которым шедевры великих композиторов оживают на сцене в блестящем исполнении, высокопрофессиональном по смыслу и технике, по чувству и вдохновению. Такие концерты, подобно маякам, озаряют серые будни, привнося в них то, что сохраняет ценность во все времена — совершенство.